

НИМФЫ ОЗЕРА КУВШИНКИ

НИМФЫ ОЗЕРА КУВШИНКИ

АПОКРИФ К «АРХЫЗИАДЕ»

НИМФЫ ОЗЕРА КУВШИНКИ

Апокриф, не вошедший
в двенадцать песней «Архызиады»

НИМФЫ ОЗЕРА КУВШИНКИ

Апокриф, не вошедший
в двенадцать песней «Архызиады»

Есть у похода деянья, о коих отчёты не пишут,
Треки о них не расскажут, молчат и сухие таблицы.
Даже подробный писец, перечислив все броды и склоны,
Всё же не всякое дело доверит бумаге и строкам.

Муза, однако, всё видит.

В день, когда за спиною остались Озёра Софии,
Через Кель-Ауш герои к седлу Караджаша стремились,
Озеро ниже лежало: Кувшинки в зелёной оправе,
Светлую гладь сохраняя меж трав и недвижных камней.

Там, уподобившись нимфам, две путницы в воду вступили,
После на камни ступили, оставив земные одежды,
Вееры гордо раскрыли, смущая бессмертных Олимпа.

Там, уподобившись нимфам, две путницы в воду вступили,
Вееры гордо раскрыли, смущая бессмертных Олимпа.

Белый свой веер держала одна, а другая — багряный;
Так они встали на камни, забыв о земных облаченьях.

В ождь, что ни ливня, ни мглы на пути никогда не страшился,
Тут опустил свои очи, впервые смущённый виденьем.
Многое прежде встречал он спокойно в ущельях Кавказа —
Две обнажённые нимфы смутили сурового мужа.

Белый свой веер держала одна, а другая — багряный;
Так они встали на камни, забыв о земных облаченьях.

Ветер над гладью играл, и склонялись прибрежные травы,
Тучи неспешно текли над вершинами дальнего хребта.

Будь у Кувшинки Парис, разрешавший бессмертную распрю,
Яблоко спорное спрятал бы он, не решаясь на выбор.
Выйди Киприда из пены и встань с ними рядом у берега —
Даже Киприда, взглянув, позабыла о яблоке спорном.

Нимфы меняли свой стан: то одна поднимала десницу,
То на валуне другая к хребтам поднимала свой веер.
Вееры, белый и алый, как крылья над ними раскрылись —
Смертному столько явив, сколько Муза открыть позволяет.

Горы взирали спокойно: Кавказ повидал и не это.
Камни хранили молчанье; в воде колыхались их лики.
Только ручьи, убегая из чаши озёрной по склону,
Кажется, слишком поспешно несли эту весть по ущельям.

Пан, если верить певцам, появился за ближней мореной,
Взгляд задержал — и впервые забыл про козлов быстроногих.
Феб, засмотревшись с высот, разгорелся над ними сильнее.
Зевс уже молнию поднял — и снова укрыл её тучей.

Гера с Олимпа нахмурилась, нимф обнажённых увидев,
Но не тревожили нимфы покоя женатых героев.
Брачные узы целы — и смягчилась супруга Кронида.
Так у Кувшинки свершилось безмолвное таинство съёмки.

Не ради славы Эллады, не ради бессмертного гимна —
Ради грядущего слёта, где «Вестра» потребует снимков
И где суровые судьи решат, кто достоин награды.

Пан, если верить певцам, появился за ближней мореной,
Взгляд задержал — и впервые забыл про козлов быстроногих.

Может быть, именно там две прекрасные нимфы стояли,
Вееры гордо раскрыв и смущая бессмертных Олимпа.

Долго сокрытыми были от праздных очей эти кадры.
Лето ушло; и сентябрь над Москвой уже веял прохладой.
Только на слёте у «Вестры» впервые явились те снимки,
Чтобы с другими твореньями спорить за славу и призы.

Так оказалось: поход порождает не только отчёты,
Связки, страховку и треки, мозоли и мокрые вещи.
Там, где обычный турист различает озёрную чашу,
Муза способна внезапно устроить античную сцену.

Путник, когда пред тобою блеснёт гладь озера Кувшинки,
Пусть не дивится, заметив два камня у самой водицы.
Может быть, именно там две прекрасные нимфы стояли,
Вееры гордо раскрыв и смущая бессмертных Олимпа.

